

Протопопова (ур. Плетнева) Антонина Григорьевна

Интервью-воспоминание

Вопрос: Как жили родители до того, как отца "раскулачили"?

Ответ Антонины: Папа был из зажиточной семьи, мама тоже. У отца была пимокатная мастерская, мама вела домашнюю работу и на поля выезжала с Григорием. Они много работали, были трудолюбивыми. Жили богато, ели вволю. Когда мама рассказывала Ивану о том, что было и сало, и масло, он не верил.

Мама рассказывала, что они рано вставали, уезжали на поля надолго – на полдня, пока не уберут все. Они уже наработаются с поля едут, а соседи только едут.

В 1930 году папу сослали в Томск. Мама сначала осталась одна с Иваном, а потом когда она уехала за мужем в Томск. Ваня остался у ее родной сестры Фасы. Но позже сестра от них отказалась и выставила маленького Ивана за дверь. У сестры муж Николай занимал должность надзирателя тюрьмы, он говорил, что это «сын кулака, да меня арестуют!». Она боялась общаться с нашей семьей из-за того, что муж потеряет свою должность. Там еще жила моя бабушка, но когда Фасы и ее муж выставили Ивана за дверь, бабушка не выдержала этого и умерла. Позже Фаса хвасталась, что похоронили её с музыкой! Мама её упрекнула во вранье. Что в то время, какая могла быть музыка на похоронах.

Брата, пожалев его, приютил совершенно чужой дедушка, ему стало жалко Ваню, сказал так: «Пускай меня расстреливают».

В итоге маму в Томске тоже взяли под комендатуру. Позже Ваню милиция отправила поездом в Томск, где его встретила мама. Грязненький был, босой, оставляла и одежду, и новые ботинки. Несколько дней потом не разговаривал.

У родителей между мной и Ваней еще была дочка – ее звали Нона, но она заболела скарлатиной и умерла.

Что значит жить под комендатурой?

Надо было отмечаться, мы никуда не могли уехать без разрешения. Родители каждый месяц ходили отмечались. Жили на Черемошниках в бараке. Общая кухня была, в середине барака стояла печь и все на ней готовили, у кого что было.

Почему Черемошники назван район: тут черемушник рос.

Баракы стояли, сначала мужчины жили отдельно, а женщины отдельно в других бараках. Но ночью все равно муж с женой встречались, а потом разрешили семьям жить вместе и стали давать комнатухи. Тогда и я родилась (в 1932 году).

Тогда жить уже стали получше, корову купили, молоко появилось, кроликов держали, папа умел за ними ухаживать – мясо появилось.

Помню, что у меня был рахит, долго не могла ходить, помню, как меня парили в ванне с овсом. У нас дружная семья была. Родители любя жили и все вместе делали. Папу мы очень любили, и он нас любил. Помню, как соседи скажут: "Вон твой цыган идет" (папа черноволосый был, глаза черные), я бегом его встречать, он меня на руках высоко-высоко поднимал, хорошо это помню, жаль, что не пожилось.

Как отца забрали в тюрьму?

Мы пошли дергать турнепс для коровы – это типа редьки, на корм скотине. Огород был возле мясокомбината. Шли всей семьей (Тоне было 5 лет, Ивану – 11).

Нас остановил «воронок», предложили вернуться домой в барак. Мама говорит: "Наверное, нам сейчас квартиру дадут!". Вернулись домой, там отцу сказали, что он арестован по такой-то статье. Мама начала ему вещи собирать, постель, подушку хотела дать, а отец говорит: «Дуняшка, зачем же мне подушку?!». Так папу и забрали.

Как пишут в документах, Григорий был арестован за "участие в кадетско-монархической повстанческой организации". Ты слышала что-то об этой организации?

Не знаю, написать много, что можно, у них же план был – сколько расстрелять. Мама рассказывала, что папа был прямой человек, мог поругать власть, громко говорить об этом. Думаю, что за это.

Какова была жизнь после ареста отца?

Иван любил рисовать, ходил в художественную школу, но его оттуда выгнали как "сына врага народа". За проступки приговаривали, что «по стопам отца пошел». Соседи сторонились, не разрешали детям играть с нами.

Мама сначала работала на лесоперевалке. Однажды со станка сорвалось бревно и упало на маму. Потом она лечилась в больнице. После этого случая приехала старшая сестра и сказала, что забирает меня (чтобы Евдокие было полегче).

Мама сначала согласилась, уже вывели меня на крыльцо, потом сказала, что нет, плохо или хорошо будет, но мы будем вместе и не отдала меня.

Маму перевели на более лёгкий труд – на подсобное хозяйство. Подсобное находилось за Северском, за Кузьминкой. В километрах в 20 от поселения.

За работу мама получала зарплату?

Зарплату получала, не помню сколько, но деньги малые были, не знаю, почему такие заработки. Ведь на подсобном тоже такая тяжелая работа – и косили, и сено убирали, и прополка, и картошка, а платили всего-ничего рабочим. Нам подросткам и подавно. Но никто не обижал, никаких пьяных, ругани не было.

А ты как работала, что именно делала?

Зимой картошку перебирали в овощехранилище. Дрова привозили из леса для свинарника и телятника на растопку печи. На санях зимой возили вдвоем дрова из леса. Ни рукавиц, ни валенок, какое-нибудь пальтишко задрыпанное, или телогрейку подпоясывала, чтобы потеплее было. Хорошо, если с мальчиком постарше поставят, у кого силы есть.

Сколько лет тебе было, когда ты работать начала?

Это в войну было (лет 10-12). Лепешки ели в свинарнике: женщины просеивали отходы и из этого нам лепешки стряпали.

Была у нас корова, ее запрягали, она молоко не давала, вместо лошади, здоровая кобыла, но до того уросливая (капризная): пока не дашь лепешку, не пойдет! Встанешь посреди дороги и гладишь ее: "Ну пойдём, Марточка, милая". Холодно стоять ведь. Простойшь, не вытерпишь, дашь ей кусочек лепешки, ведь самой хочется поесть, поманишь, просишь идти, пошла, и слава Богу.

Мама меня водила в деревню – в Песочках, хотела в няньки меня устроить, лишь бы кормили меня, но никто меня не взял. Зашли к одной семье, у них чищенной картошки целое ведро стоит. Я говорю "Мама, как они богато живут!"

В то время много было ссыльных – латыши, литовцы. Мама познакомилась с литовцем Лютасом. Однажды мама меня отправила за водкой на Чекист в магазин - они собрались с Лютасом отмечать свадьбу (это уже было после войны). Сперва я пошла к Ивану, он работал на Чекисте в колонии.

Пока шла, обморозила колени, ведь зима, а штаников не было теплых. Иван меня покормил, чаем напоил, носовыми платочками замотал коленки. Им выдавали на работе платки и его друзья тоже помогли мне ноги замотать.

А ты не боялась так далеко идти?

Раньше не было такого, чтобы дорогой что-то случилось. Пешком ходили и нормально. Я боялась только Белобородовское кладбище на Почтовом, я его кругом обходила. Люди были сознательные и дружные, но был и такой случай.

Это во время войны было, Ивану было лет 15. Он уже в колонии побыл за "складник", он учился в ФЗО, ему выдали новую форму.

Однажды зимой он пошел на учебу. К Белобородово (в Северске) подходит, едет на санях парень, он сказал: "Садись, парень, подвезу". Спросил куда ему надо, Иван ответил, что за Кузьминкой поворот. Он довез до Кузьминки и говорит: "Раздевайся! Я что тебя даром вез? Бушлат, шапку, штаны, куртку и ботинки снимай. Ничего, добежишь".

Была зима, Иван бегом бежал, весь обморозился. Потом он в больнице лежал, весь больной стал. Тогда его кто чем лечил. Один сосед – старичок гусей разводил, он ему гусиным жиром уши смазывал. Собака у нас такая добрая была, она облизывала ему уши, а может потому что смазывали жиром, ей вкусно было. С тех пор Иван стал глухой.

Стало полегче, идти в ФЗО надо, хотя видно было, что он весь обмороженный. Его обратно приняли. Также кормили, но новую одежду уже не выдали.

За что Иван Григорьевич попал в тюрьму?

Он полюбил девочку в школе, ухаживал за ней, но ее семья и она сама против был, говорил "сын врага народа", она отказалась с ним встречаться.

Он вспыхнул, выхватил складной ножик и на нее бросился, пальто ей порезал. За это его посадили на год.

Был еще второй случай. Иван работал на пекарне и перебросил булку хлеба за забор, все перебрасывали. Была облава, и его, и остальных задержали за это. Снова на год в тюрьму.

Расскажи про случай, когда ты потеряла зрение

Однажды цыганка пришла ворожить соседке, она ворожит, а мне так интересно. Я наклонилась к столу и смотрю, а цыганка говорит: "Какая девочка красивая, глаза у тебя красивые - цыганские, а у меня светлые, давай поменяемся!".

Она поворожила и ушла. Я заболела после этого: из глаз слеза, жар и боль был в голове.

Мама приехала с подсобного только через три дня. Мы – в больницу, врач сказал, что ничем не может помочь.

На подсобное мама меня вела за руку, я ничего не видела. Шли 20 км пешком. Мама плачет у меня, говорит соседям: "У меня девочка ослепла". На подсобном каких только наций не было. Одна немочка, они с мамой вместе коров доили, сказала: "Дуська, что ты плачешь?" Мама рассказала, что меня сглазила цыганка.

Такой народ был сплоченный, у кого случалось горе, каждый старался помочь. Кто советовал сахарным песком засыпать глаза, кто говорил птичьим пометом засыпать, кто говорил, что надо грудным молоком капать в глаза. К этой немочке до восхода солнца и после заката мама меня водила, сама я не могла идти. Это же барак был, там у каждой двери, что попало стояло.

Однажды утром я бегу по коридору и понимаю, что вижу, кричу "Мама, я все вижу!". Двери начали открываться в бараке, все выскакивают и обнимают меня. Слава богу, так и прошло все. Зрение восстановилось.

А школа была?

Была. Не помню, сколько лет мне было. Иван женился, его жена Шура была у нас учительницей. Они с Шурой раньше вместе учились в школе. Она воспитывалась у тетки, ее отец погиб на фронте, у тетки своих трое детей было. Шура выучилась, учительницей стала. Наша мама ее взяла к нам на квартиру. Потом они с Иваном поженились. Меня она не обижала.

Пять классов я училась у Шуры, точнее до 4-го класса проучилась. Дальше надо было в Белобородово идти или на Чекист. Я пошла туда учиться. Меня Иван устроил к одной молодой женщине на квартиру, но когда Иван поссорился с ней, она меня выгнала, мне некуда было деваться.

Девочка, с которой мы учились, сказала своей маме, что Тоню выгнали, и спросила можно ли мне пожить у них. У них трое детей было. Один мальчик у них заикался, его засыпали нечаянно картошкой, он в погребе был, и туда картошку ссыпали, после этого он стал заикаться.

Я у них стала жить, чтобы учиться в школе. Мне было стыдно, что утром мама девочки всегда стакан молока и хлеба кусок давала всем детям – и своим, и мне. Мне было неудобно. Пришла к маме, от мамы нечего им взять, и сказала, что не пойду больше туда.

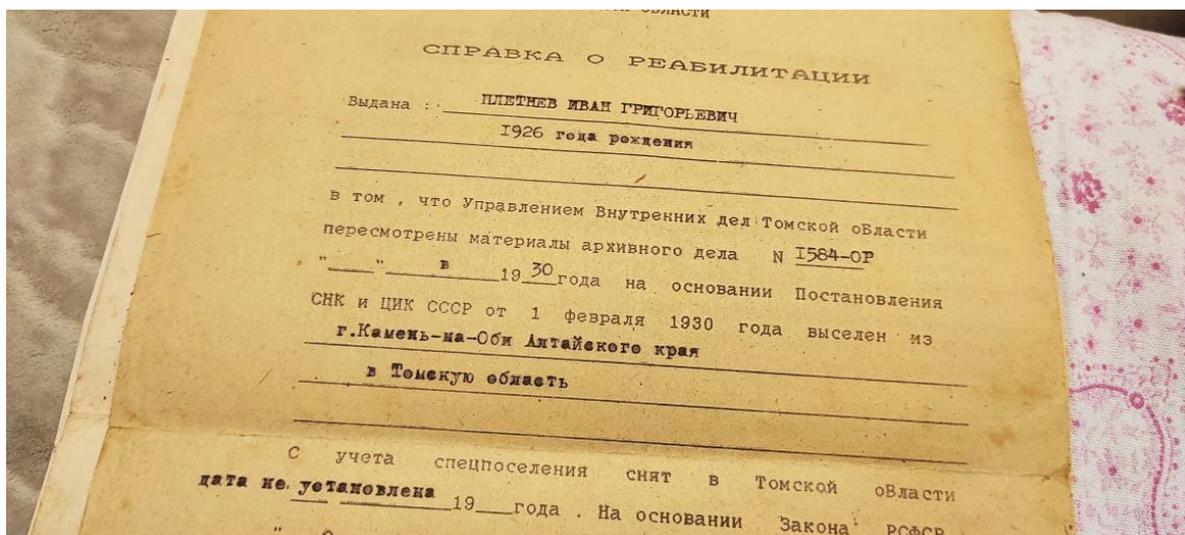
Потом работала на подсобном, решила пойду в ФЗО учиться, там кормят и одежду дают. Пошла туда (это было в 1949 году, ей было 17 лет), по дороге встретила девочку, с которой вместе учились. Она позвала меня с собой на Карандашку. Пришли, меня сразу взяли, я быстро освоилась и в коллектив легко вошла.

Смена заканчивалась в 2.30 ночи. Девчонки бросают станки и уходят, за это мастеру попадет, он просит меня помочь. Я помогала, надо было все подмести и убрать. Безотказная была, мастер что попросит, делаю. Я на хорошем счету была и через год уже на доске почета была. Потом, когда пришла работать на мебельный комбинат, меня сразу работать за станком поставили.

Когда Северск (тогда Почтовый) начал строиться, семью Антонины с подсобного выселили, как неблагонадежных – семью «врага народа».

P.S.

Иван Григорьевич прожил до 95 лет (скончался 22 апреля 2021 года).

Антонина Григорьевна живет до сих пор, у неё трое внуков и двое правнуков. Сейчас ей 90 лет. Антонина – честный и добрейший человек. Ни разу от нее не слышала, чтобы она ругала или с осуждением говорила о власти, которая лишила ее дома, отца и детства.

Антонина Григорьевна с правнучкой, 2016 год.

На фото: Антонина Григорьевна, её дочь и правнуки, 2022 год.